

Гастроли

ИМЛАДЕНЦУ ясно: Бродвей — это мюзикл. Драма на «основной театральной магистрали Америки» существует лишь на правах падчерицы. Поэтому естественно, что программа «Hello, Broadway!» — представление с участием звезд бродвейских театров Нью-Йорка, привезенное в Москву компанией «Интернэшнл шоу трансфер» совместно с артистическим агентством «Ардани», целиком отдана мюзиклу. То есть жанру у нас, как и во всем мире, любимому, но в то же время парадоксальным образом почти неведомому.

Не то чтобы совсем неизвестному, нет. В 50-е годы первые за всю историю гастролы американского театра в нашей стране начались покорившим Москву

солыные или дуэтные музыкальные номера. Нет ни постановочных эффектов, ни красочных костюмов, ни выигрышной пластики, ни ритмически организованной массовки, ни световых контрапунктов — лишь аскеза концертного исполнения под находящийся тут же на сцене симфонический оркестр. Ничего того, что создает столь важную в мюзикле зрелищность и броскость. Только музыка, выразительность певческих голосов и захлестывающее обаяние актеров. Только? Этого оказывается вполне достаточно, чтобы увлечь зал.

Различные по своей артистической фактуре и театральным амплуа и осанистый, немного патетичный Крис Гроэнендаал, лукавая и сердечная Джуди Маклейн, мечтательная Лори Гейл Стивенсон и блистательный Рей Уолкер, умело дополняя и оттеняя друг друга, смогли представить антологию мюзикла от Кола Портера до Эндрю Ллойд

ФАНТОМ МЮЗИКЛА

Бродвей в Москве

спектаклем «Порги и Бесс». Затем была пленительная «Моя прекрасная леди»; долго велись так и не увенчавшиеся успехом переговоры по поводу «Вестсайдской истории» и более позднего «Кордебалета». Еще помню ошеломление от постановочных эффектов представленных в конце 80-х вендами «Кошек». На этом, пожалуй, и кончается знакомство с классическими западными образцами мюзикла в его сценическом воплощении. Потому что экранные версии «Смешной девчонки», «Волос», «Иисуса Христа — суперзвезды», «Оливера», «Фантома оперы» и многих других принадлежат другому виду искусства и полного представления о мюзикле не дают, неизбежно теряя, помимо всего прочего, ту доверительную интонацию, которую требует жанр. А отечественные образцы мюзикла, да простят меня их создатели, все-таки неизменно лишены легкости и обаяния.

Вспоминается финал неоднократно виденного в Нью-Йорке «Кордебалета», спектакля, побившего на Бродвее все рекорды долгожительства. Сияют огни, гремит музыка, сверкают блестящие костюмы. Актеры, многократно отражаясь в громадных зеркалах, лихо проделывают нехитрый номер из своего шоу. Работают четко, слаженно. Чередуются несложные, на первый взгляд, однообразные па. Работает кордебалет... Таков эпилог, в котором заключены одновременно грустная ирония и безудержный восторг. Обязательные эффектные построения кордебалета воспринимались как издевка над архаичностью старого мюзикла. Но одновременно в финале зрелища, поставленного Майклом Беннетом, сквозило восхищение перед жизнерадостностью мюзикла, перед мастерством, перед профессионализмом.

Действительно, актеры бродвейского мюзикла — это когорта совершенно исключительных даже в театральном мире людей. Примерно начиная с постановки «Оклахомы» и с появлением хореографии Агнесс де Миль, существенно стал меняться характер исполнительства на Бродвее, потребовались актеры, которые бы умели с одинаковым блеском делать все, что предполагает это ремесло. Актеры бродвейского мюзикла — наиболее профессионально подготовленные люди в американском театре. В этом мы смогли убедиться на представлении, организованном продюсером Марио Граф Виллавиценцие «Hello, Broadway!».

Казалось бы, актеры находятся в самом невыгодном для них положении: статичной подачи

Узббера. Причем каждого из исполненных шлягеров было бы достаточно, чтобы довести американскую публику до экстаза. Наш же сдержанный зритель, очарованный теплотой и лиризмом, которыми повеяло с первых тактов увертюры Гершвина, взятых Русским филармоническим оркестром под управлением музыкального руководителя программы Эдварда Г. Робинсона, окончательно «завелся» во втором отделении, когда зазвучали более знакомые мелодии 70-х — 80-х — из «Эвиты», «Отверженных» и, конечно же, «Фантома оперы».

Безусловные симпатии зала были отданы Рею Уолкеру — испуганному исполнителю партий рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Актер покорила слушателей не только незаурядными вокальными возможностями, но и недюжинным сценическим темпераментом, абсолютно неожиданным при таком тщедушном телосложении и несколько приторной внешности. Лишь слегка обозначенная пластика — поворот головы, взмах кисти, резкий изгиб корпуса — раскрывают артистизм богато одаренной натуры.

Зададимся детским вопросом: узнали ли мы больше о мюзикле, над выведением формулы которого тщетно бьются специалисты? И да, и нет. Но несомненно пополнилась музыкальная память слушателей и обогатилась представления о том, какой раскованности можно достичь на сцене. Раскованности, но не развязности. Звездой какой бы величины ни был исполнитель.